

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

КАК ТРУДНО ПЕРЕД НОВЫМ ФИЛЬМОМ

Однажды я попросила Ходжакули Нарлиева, автора и режиссера фильма «Невестка», написать статью на тему «Цена одного кадра». Речь шла о том, чтобы взять примечательный эпизод из фильма и подробно рассказать, как он был создан.

птица — самолет ее мужа Мурада. Только во сне...

О трагедии туркменский фильм сумел рассказать без надрыда и жестокости, без мелодрамы.

Вся картина снята в удивительно чистом и ясном, словно отмытом, рассветном

Валентина ИВАНОВА

С понятным нетерпением я схватила бандероль — она имела весьма необычный вид: такая скромная трубочка. Подумалось: «что-то маловато». И точно, в трубочку было свернуто несколько страничек, исписанных крупным, аккуратным, почти школьным почерком. Всюду, в скобках, мне в помощь разъяснялись туркменские названия: «банитеры» (заготовители каракуля), «агыл» (ограда), «инер» (самый большой и сильный из верблюдов) и так далее.

Потом начались междудорожные телефонные споры.

— Вам не нравится статья?

— Уж очень все это страшно. Приехали банитеры, режут ягнят, собака мечется, невестка плачет... Почему же вы взяли этот эпизод? Картина светлая, поэтичная...

Нарлиев выбрал даже не эпизод, а мгновение. Бордовый, мятущийся и тревожный цвет агыла, такой же мятущийся и тревожный аккорд звуков, и на минуту — бледное, застывшее лицо героини. Мгновение...

Так до сих пор я и не поняла, почему Нарлиев выбрал сцену с банитерами. Быть может, потому, что такого рода жестокий момент — единственный в картине?..

Сценарий фильма «Невестка» оказался, вероятно, одним из самых кратких в кинодраматургии последних лет: он занял всего 33 странички. Но его написал кинооператор, человек, родившийся и выросший на земле Туркмении и уже, наверное, много лет видевший эту историю в своем воображении. Историю молодой туркменки, оставшейся вдовой, но так и не сумевшей, не захотевшей создать новую семью. Почему? Потому что ждет и верит, надеется на чудо, не может представить себе другого человека рядом. Он для нее остался навсегда единственным, навсегда молодым. Каждая мелочь, примета, предчувствие: шум мотора в степи, звук мужского голоса, чашка в пиале, предвещающая гостя, — все для нее ожидание и надежда на встречу. И вот Огулькейик уже бежит в вихрь, открывает сундук, быстро перебирает свое девичье приданое и выходит на яркий свет солнца — такая красивая, молодая...

Но нет, только во сне, в мечтах радостно кричат мальчишки, ложится под ветром степная трава и на землю опускается небывалая

цвете. В благородной, сдержанной, хочется сказать, элегантной цветовой гамме. Но за этой элегантностью — мучительное творчество и мучительный труд.

— Не просто снять на цветную пленку. Ведь цвет — та же драматургия. Мы находили устраивающие нас по тону места или же все переключивали. Например, наша кибитка имела семь отдельных крепких, высоких камышей, каждый из которых был покрашен для определенного эпизода. Агыл был красным в день постройки, снежно-белым — для зимы, бордовым — для сцены с банитерами. Точно зная возможности пленки разного оттенка, разной яркости, красили объект. На натуре все казалось пестрым, хаотичным, неровным — на экране получали задуманное. Но чего это стоило?

Сегодня фильм «Невестка» и вся группа, работавшая над ним, выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. О картине писали много, писали и об актерах — Майе Аймедовой, Ходжоме Овезгеленове.

А мне надо рассказать о режиссере Ходжакули Нарлиеве. Оказалось, что это нелегко: для тебя существует не только художник, мастер, но и человек в массе подробностей, деталей, наблюдений. О чем говорить? Что в нем самое главное?

Его биография? Был оператором, учился во ВГИКе, в мастерской Бориса Волчека. Снимал фильмы «Состязание», «Утоление жажды», «Рабьяня». Ставил небольшие документальные ленты. Сценарий «Невестки» написал в соавторстве с братом Ходжакурды. И «Невестка» же стала его режиссерским дебютом. Получила сразу признание, была широко показана у нас в стране и на многих международных фестивалях.

Мы говорим с ним об успехе.

— Ждал ли я такого признания нашей «Невестки»? Никогда в жизни. Разве об этом можно думать, когда работаешь? Просто бываешь счастливым, когда наконец выходишь на съемочную площадку делать то, что у тебя в голове уже годы.

— Какая же у вас съемочная площадка? Пески.

— Пески, кибитка. Это вообще очень интересно, когда написанная сцена начинает обретать экранные черты. У нас в картине было, по сути, два актера — Майя и Ходжом-ага. И работали они абсолютно разное. Ходжом-ага был старейши-

ной нашей группы, он все знал, сидел в сторонке, давал советы и так же спокойно, неторопливо входил в кадр. Другое дело — Майя. Помню, как она привыкала к отаре: ей ведь надо было привыкнуть именно к этой отаре, стать хозяйкой, чтобы овцы узнавали ее голос, запахи грима, цвет платья. Чтобы она могла входить в загон.

Вы сами знаете, что такое кино. А наша экспедиция в песках? Все продумано, готово до тонкостей, до мелочей. Обговорено, но вдруг что-то случилось с верблюдом. Нет верблюда, его ищут. Проходит час, два, пять часов. Нашли. Все готово. Большая массовка ждет. И вдруг Майя подходит ко мне и тихо говорит: «Не могу снимать, все растеряла...» Каприз? А мне кажется, это прекрасно, когда актер может вот так вдруг признаться, и самому себе в том числе, что не готов к съемке.

Однажды я задала Нарлиеву вопрос:

— Вы могли бы снимать фильм не о Туркмении?

Мы сидели с ним на одиннадцатом этаже гостиницы «Россия», а за окном шел нудный, моросящий, третий день не прекращающийся дождь.

— У вас, наверное, там сейчас уже лето?

— Нет, еще пока весна. Градусов так под тридцать. Но степь цветет, море тюльпанов.

— Часто приходится уезжать из дома?

— Но и часто возвращаться. А это хорошо. Собираются друзья, родные — их очень много. Идут разговоры на всю ночь, до утра... Мог бы я снимать фильм не о Туркмении? Не знаю, смог бы, но, наверное, не стал бы.

Вы говорили об успехе. Действительно, «Невестку» показывали в Сорренто, в Локарно, в Карфагене. Но до этого мы ездили с ней по туркменским колхозам. Как удивительно смотрят свои — те, которые живут на этой земле, как угадывают детали, узнают себя, свою повседневность, быт.

Из деталей, наблюдений складывается фон — то, что мы называем «вторым планом». А по сути, это дыхание картины, ее нерв, настроение. Ведь и наш фильм «Невестка» — это не двое в пустоте, не просто сюжет о женщине, потерявшей на войне мужа и оставшейся со стариком-свекром. Это история человеческих взаимоотношений, складывающихся из незначительных черт, из простых физических действий, повторяющихся изо дня в день, из года в год, из весны в весну. За молчанием Невестки — тысячи невысказанных слов: их и не надо произносить, потому что Старик слышит и понимает ее.

Помню, еще когда шли съемки, немало людей говорило мне: фильм очень печальный, пусть ваша героиня выйдет замуж. Ведь есть там у вас парень, который привозит им продукты, материалы, у них даже как будто некоторая симпатия, собрала бы вещишки и уехала с ним, начала новую жизнь. Приходилось доказывать, что оптимизм не складывается простыми сюжетными ходами, что он тоже в настроении, в атмосфере. И одинокая женщина может оказаться сильна верностью, чистотой, ожиданием...

— Легче или труднее вам сегодня, после такого признания фильма?

— Гораздо, гораздо труднее! Сегодня мне кажется, что «Невестку» мне было снимать совсем просто. Я хорошо знаю это время, послевоенные годы, я столько видел туркменок, оставшихся вдовами и так и не создавших новой семьи.

А сейчас мне предстоит делать картину о прошлом — о тридцатых годах, о женщине, первой в туркменском ауле сознательно принявшей и отстаивавшей до последней минуты своей жизни новую, Советскую власть.

Наверное, мне поможет то, что рядом со мной опять будут такие замечательные актеры, мои друзья по «Невестке», как Майя и Ходжом-ага. Сценарий писался для них. И для меня очень важны в будущем фильме не только линия героини, но и тема старика, ее главного противника, который вдруг ощущает вокруг себя пустоту: все тянутся к той, чужой, ее слушают, о ней говорят, у нее допоздна не гасят огни. Умом, чувством, сердцем он начинает понимать: что-то навсего сломалось в привычном укладе жизни, и людей уже не повернуть обратно...

Об этом я не могу не рассказывать. Это мой народ, моя история, моя земля. Эти горы первыми встречают солнце и последними прощаются. В ущелье с одной стороны еще тень, а с другой — уже рассвет. Ветерок подует, яснее звук воды, просыпается все живое — зайцы, лисы, поют горные куропатки. Это они тебе поют песню, тебя делают счастливым.

Рождается музыка туркменского утра...

Фото А. Рубашкина.